

Сказка о красной рыбке

На одном из притоков реки Вилии — ручье Тартак, где сейчас нерестится кумжа, — волонтеры разбили небольшой лагерь. Живут добровольцы в походных условиях. Дежурят круглые сутки и при любой погоде, по два-три человека. В резиновые сапоги запрыгивают и рыболовы-любители, и туристы, и доктора биологических наук, и бизнесмены, и просто неравнодушные люди. Днем проводят агитационные беседы с местными жителями, развешивают плакаты. По ночам несут дозор на берегах, вооруженные фонариками, фотоаппаратами и видеокамерами, отмечают на интерактивной карте новые и старые места нереста рыбы. В коротких перерывах греются возле костра. Спят в палатке, которая досталась по наследству от рыбаков. И все — «за спасибо»!

В 2004 году в третьем издании

Красной книги Республики

Беларусь, помимо речной форели,

появились уже кумжа и семга.

— Почему рыба из Балтийского моря, преодолевая такой трудный путь, спешит именно к нам на нерест? — интересуюсь я.

— Все просто. Здесь для нее созданы идеальные условия: реки чистые и температурный режим совпадает, — утоляет мое любопытство бывалый волонтер, доктор биологических наук Николай Черкас. — Во время нереста, а он традиционно проходит в октябре-декабре, за желающими полакомиться деликатесной рыбкой и ее красной икоркой нужен глаз да глаз.

— Сегодня это звучит как легенда, но были времена, когда местные реки буквально кишели кумжой и форелью, — с удовольствием вспоминает картинки из детства 65-летний местный житель деревни Тартак Вацлав Блажевич. — Можно было встретить особей и по 7—9 килограммов. Но вот беда. Кто же знал, что эта рыба попадет в краснокнижные? По-простому мы называли ее стронгой. Хватало такой рыбы не только на нужды людей, но и для питания сомов-гигантов. Яркое свидетельство тому, что здесь когда-то был лососевый рай, — герб Островца. На нем отнюдь не случайно изображены дуб и форель. Все испортило строительство Каунасской ГЭС. Оно перекрыло все возможные миграционные пути, а ручей заметно обмелел. Да и браконьеры в шапку не спали.

Вслед за волонтерами узкими тропинками осторожно спускаюсь к месту нереста рыбы, дабы застать заморскую красавицу за нелегким делом. Не приходится вглядываться в водную глубь, чтобы обнаружить так называемые гнезда. Они похожи на своеобразные каменные наросты.

— Сначала кумжа мечет икру, а потом с помощью гальки надежно маскирует ее от чужаков. На все про все уходит несколько дней. Бывает, рыба успевает обустроить 2—3 специальных гнезда, — доходчиво объясняет специалист ОО «Ахова птушак Бацькаўшчыны» Ольга Лукшиц. — Потом же редкая гостья с чувством выполненного долга держит курс обратно. Отложенная икра остается здесь до марта, а затем молодь отправляется в свое первое собственное путешествие в Балтийское море. Если же рыба, появившись в ручье, в одно прекрасное утро резко исчезает, вполне возможно, что постарались браконьеры. От трехкилограммовой особи можно получить до полутора килограммов икры.

До последнего надеюсь вживую застать кумжу и загадать желание. Чтобы не спугнуть рыбу, говорю даже шепотом. Не делаю никаких резких движений. Но увы...

— Да не расстраивайся ты так, есть она здесь, — приободряют меня волонтеры, заметив, что я опечалилась. — Просто рыба чувствует человека, угрозу, вот поэтому и прячется.

Осторожная кумжа или семга осмеливаются чаще ночью выбираться из укрытий на мелкие места с прозрачной водой. Вот тогда-то и становятся легкой добычей. Реки хоть и с быстрым течением, но при определенной сноровке можно легко поймать беззащитных пресноводных голыми руками или обыкновенными вилами.

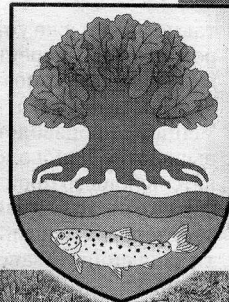
Бобр лососю не товарищ

Немало неудобств с начала двухтысячных годов создают для лососевых и бобровые плотины.

Анастасия Кодис. ЛоSOSось

Островецкий район — единственное место в Беларуси, куда ежегодно на нерест из Балтийского моря транзитом через Литву поднимаются семга и кумжа. Подчиняясь инстинктам, эти два представителя славного семейства лососевых несколько месяцев плывут тысячи километров против течения, чтобы только попасть в реку Вилия и ее притоки. Благородные рыбы изо всех сил стараются дать потомство там, где когда-то сами появились на свет. Какие угрозы поджидают измученных долгим путем и отяжелевших от икры краснокнижниц? Почему у нас волонтерам приходится держать глаз да глаз за каждым хвостом, а в соседней Литве редкую рыбу можно выудить с вильнюсского моста? И что будет, когда в Островце построят АЭС?

ЛОСОСЬ

Так выглядят информационные стенды.

— Все дело в том, что в последнее время бобр был достаточно охраняемым видом, и численность его соответственно подскочила в разы. Рыбам-производителям не под силу преодолеть бобровые сооружения, высота которых иногда составляет два метра и более, — рассказывает старший научный сотрудник Научно-практического центра Национальной академии наук Беларуси по биоресурсам Михаил Плюта. — К тому же, во время нереста рыба уж очень требовательна к условиям обитания. Например, в воде должно быть достаточное количество кислорода и гальки. Заиливание мешает нерестящейся популяции.

Не помогают в сложившейся ситуации ни отпугивающие чучела для «зубастых», ни разрушение их плотин. Эффект от них разовый. Бобр способен буквально за несколько суток восстановить преграду, причем сделал ее еще более массивной и надежной. Поэтому специалисты предполагают, что, пожалуй, остается единственный выход — ликвидировать всю здешнюю популяцию зверьков-строителей.

Вставляют палки в жабры

Среди других препятствий на пути очаянного лосося — речные плотины, старые мельницы, коллекторы под дорогами, захламление водотоков бытовым мусором, а порой и загрязнение стоками животноводческих ферм.

— Очень пагубно отразилось на численности семги и кумжи строительство гидроэлектростанций, которое велось в 1950—1960 годы, — отмечает старший научный сотрудник Научно-практического центра Национальной академии наук Беларуси по биоресурсам Михаил Плюта. — В частности, на Немане и Западной Двине были созданы мощные плотины, которые уставшие рыбы не могли преодолеть. Как итог — в 1960-х на территории Беларуси популяции проходных лососевых вообще перестали фиксироваться. А речная форель и

Первый экземпляр нерестящейся

кумжи на ручье Тартак

был обнаружен в 1999 году.

вовсе «застряла» в самом первом издании Красной книги.

Чтобы нерест вновь стал возможным, на таких участках необходимо устанавливать специальные рыбоходы. Правда, удовольствие это, скажем мягко, не из дешевых. Например, «перестройка» Каунасской ГЭС, по предварительным подсчетам специалистов, может влететь в приличную сумму — почти в 2 миллиона евро. И инвесторы не особо рвутся вкладывать в это благородное дело деньги.

Впрочем, было бы желание, а способ всегда найдется. Вот и один из волонтеров — Анатолий Ловкис — из подручных материалов смастерил рыбоход эконом-класса. Его соорудили на месте коллектора, который не давал кумже подниматься вверх по течению ручья Тартак. Деревянная конструкция при минимуме затрат превзошла все лучшие ожидания: на нерест рыба пошла намного активнее. Только ны

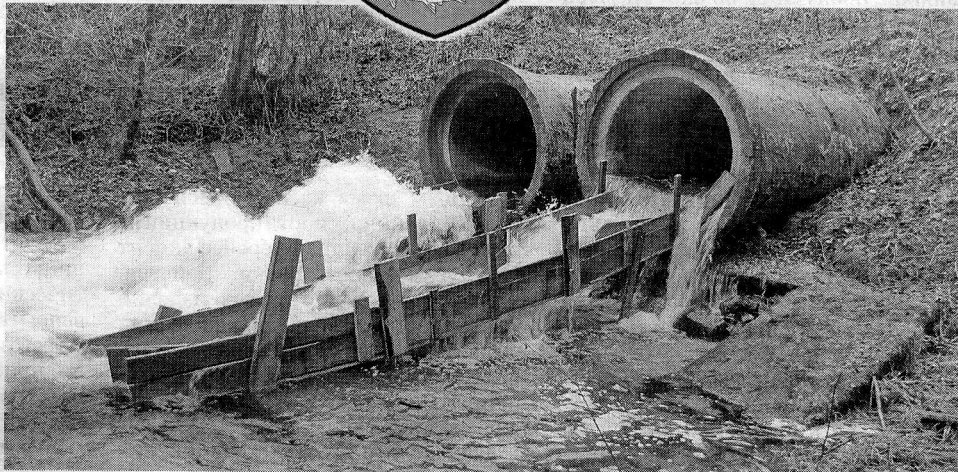
В одном нерестовом бугре

от 700 до трех тысяч икринок.

Однако в естественных условиях

из одной тысячи икринок

получается всего 1—2 рыбы.

Деревянный рыбоход, который спроектировали и построили волонтеры собственными силами.

Гнезда кумжи похожи на своеобразные каменные наросты.

нешней осенью в приток Вилии, который круглосуточно патрулируют волонтеры, заглянули, чтобы отнереститься, около 40 особей кумжи. Чего не скажешь о семге. К сожалению, она пока в эти края не спешит.

Спокойствие, только спокойствие

Вызывает вопросы у экологов и строящаяся в Островце АЭС. В какую сторону изменится качество жизни благородной рыбы? Не спровоцирует ли новая станция нагрузки на водотоки, обмеление рек, сбросов радиоактивной воды? Уже сегодня известно, что неизбежно увеличится население городка. По некоторым прогнозам, в 2—2,5 раза. Соответственно вырастет и количество желающих порыбачить. Например, Вилейская ГЭС тоже создавалась для обеспечения питьевой водой населения Минска и Минского района. Однако со временем ее достроили и стали дополнительно получать электроэнергию. Это привело к обмелению естественных водоемов, что особенно заметно в весеннее и летнее время. В 2009 году Вилию можно было перейти вброд.

Руководитель группы информационной работы Дирекции строительства атомной электростанции Эдуард Свирид, ссылаясь на изданный документ «Оценка воздействия атомной электростанции на окружающую среду», уверяет: поводов для волнений нет.

— Не будет никаких дамб, коллекторов, плотин, горячей и радиоактивной воды, которые смогут повлиять на Вилию и на лососевых.

В то же самое время он признает, что атомная станция все же будет подкачивать из Вилии на компенсацию испарений в среднем 2,6 куб. метра в секунду.

«Были времена, когда местные реки буквально кишели кумжой и форелью», — с удовольствием вспоминает картинки из детства местный житель деревни Тартак Вацлав Блажевич.

Общий объем «потребления» составит 4% от расхода реки Вилия по среднегодовым наблюдениям. По словам Эдуарда Свирида, эта цифра значительно меньше официально допустимой.

Не ловись, рыбка!

— Последние три года у нас все тихо, — успокаивает и начальник Сморгонской межрайонной инспекции охраны животного и растительного мира при Президенте Республики Беларусь Сергей Хотянович. — А еще около 10 лет назад нашу страну захлестнула волна браконьерства. Речка была поделена территориально. За каждым участком был закреплен свой хозяин с бригадой браконьеров. Все, кому не лень, использовали запрещенные электроудочки. Справиться с проблемой помогли волонтеры общественных организаций, рыболовы-любители, местные жители, инспекторы.

Также ужесточили ответственность за незаконный вылов краснокнижной рыбы. За самовольное изъятие лососевых предусмотрен штраф от двух до пяти миллионов рублей (от 20 до 50 базовых величин). Плюс возмещение ущерба в трехкратном размере из расчета, что одна особь потянет на 600 тысяч рублей (6 базовых величин).

А как у них?

В соседней Литве комплекс природоохранных мероприятий позволил в 1998 году вывести из Красной книги кумжу, а в 2011 — и семгу. Численность популяции лососевых проходных рыб за последние 15 лет увеличилась в 10 раз. Основные реки находятся на территории национального парка в Литве, где уровень охраны на порядок выше. За самовольное изъятие кумжи предусмотрен штраф в размере 200 долларов, семги — 500.

Анастасия КОДИС. Фото автора